

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллин)

ПРОБЛЕМЫ УДАРЕНИЯ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Хотя динамическое ударение в эстонском языке и рассматривалось начиная с Гезекена (Göseken 1660 : 13) неоднократно, причем ему посвящена и целая монография (Hint 1973), многое в этом вопросе описывалось по-разному или вообще не затрагивалось. Поэтому ниже кратко сводятся воедино известные факты об условиях наличия динамического ударения, рассматриваются возможности его фонологизации и в соответствии с полученными результатами дается краткий критический обзор взглядов на ударение в эстонском языке.

1. Условия наличия динамического ударения. Ударение в принципе может выполнять следующие функции: а) ритмическое членение речевого потока, б) создание необходимых (в конкретном языке) условий для наличия каких-нибудь фонем, аллофон, суперсегментных явлений, противопоставлений, в) различение слов, г) маркирование слов или морфем в предложении (во фразе). В последнем случае принято говорить о логическом (или эмфатическом) ударении; рассмотрение обусловленности логического ударения выходит за рамки настоящей статьи (хотя репрезентаций логического ударения полностью обойти невозможно). Итак, здесь рассматривается прежде всего ударение в слове. При этом следует подчеркнуть, что выделение ударения в слове имеет смысл только тогда, когда слово употребляется в речи (об употреблении слов см. Lackowski 1963).

Ниже рассматриваются четыре группы слов: 1) односложные, 2) односложные простые с единственным главным ударением на первом слоге, 3) сложные, в которых подслова имеют главное ударение на первом слоге, и заимствования, имеющие аналогичную структуру, 4) простые с безударным первым слогом.

1.1. Односложные слова по ударности в предложении распадаются на три группы: 1) нормально безударные, 2) как безударные, так и ударные и 3) нормально ударные.

1.1.1. Нормально безударными являются т. н. краткие личные местоимения (*ma*¹ 'я (н.)', *mu* 'я (г.)', *sa* 'ты (н.)', *su* 'ты (г.)', *ta* 'он (н. г.)', *me* 'мы (н. г.)', *te* 'вы (н. г.)', *nad* 'они (н.)' и т. д.) и союзы (*ja* 'и', *mitu* 'и', *ehk* 'или, т. е.', *või* 'или', *vaid* 'а', *kuid* 'но', *et* 'что, чтобы', *kui* 'если, когда; как, чем (при сравнении)'). Иногда краткие личные местоимения употребляются под логическим ударением (обычно — длинные местоимения), которое тогда равно главному; союз *kui* 'если' тоже может получить логическое ударение, напр. *sā·ju te·äv* 'ты ведь зна-

¹ Орфографические примеры передаются прямым (латинским) шрифтом, примеры в фонетической и фонологической транскрипциях — курсивом, причем примеры в фонологической транскрипции заключаются в наклонные скобки //.

ешь' (ср. *sa ju te-àd* 'ты ведь знаешь'), *ku-i sã-n*, *tu-lèn* 'если смогу, приду' (ср. *kui sã-n*, *tu-lèn* 'если смогу, приду').

1.1.2. Как безударными, так и ударными являются указательные местоимения *see* 'этот', *too* 'тот', вопросительно-союзные местоимения и наречия (*kes* 'кто', *mis* 'что', *kus* 'где', *kust* 'откуда'), числительное *üks* 'один' и еще некоторые слова. Местоимения *see* и *too* — безударные *se* и *to*, когда они указывают только на то, что об определяемых ими объектах говорилось уже раньше. Безударное *üks* 'безразлично какой один, некий один' всегда служит определением. Числительное *üks* без определяемого слова всегда ударно, ударность слова *üks* как определения обуславливается фактически логическим ударением: *ü-ks mè-s* 'именно один мужчина'. Аналогичным образом ударность указательных местоимений *see* и *too* обуславливается логическим ударением: *sê* 'именно этот', *tõ* 'именно тот'. Хотя слова с логическим ударением маркированы, именно для указательных местоимений логическое ударение — самое обычное явление. Вопросительно-союзные слова ударны, когда являются вопросительными, и безударны, когда служат союзами. Ударность таких слов, как *pii* 'так', *pa* ~ *pa-a* 'так', *ka* 'и, также, тоже', *ju* 'наверно, ведь', зависит от их позиции в предложении. *Nii* и *pa-a* ~ *pa* перед прилагательным или наречием — безударные *ni* и *pa*, если не несут логическое ударение; если они несут логическое ударение или служат обстоятельством образа действия, то они — ударные *nî* и *nã*. Слово *ka* перед словом, к которому оно относится, безударно, напр. *se-dà te-àn ka mi-na* 'это знаю и я', *keš sõv*, *sê-ka lõ-v* 'кто ест, тот и ударит'; в остальных случаях оно ударно, напр. *ma tu-len kã* 'я приду тоже', *ta on sũ-r kã* 'он [еще] и большой' (наряду с *kã* употребляется *ka-ñ*). Слово *ju* ударно в начале предложения, в остальных позициях безударно, ср. *jũ- ta on nũ-d ma-ettud* 'наверно, он теперь похоронен' и *e-ga ta ju mi-dagi kũ-le* 'он ведь ничего не слышит'.

1.1.3. Большинство односложных слов в предложении обычно ударно. Однако в позиции после другого односложного, реже двусложного, слова ударение может ослабнуть. Наиболее ярко ослабление выражается у слов с длинным гласным, где последний одновременно укорачивается, *ü-ks mes a-ll-es ma-gav* 'один мужчина еще спит', *mes* ≪ *mê-s*. Ударение подвергается ослаблению особенно в постпозициях, ср. *mã- vol* 'в стороне земли', *me-re vol* 'в стороне моря'. Ударность односложного слова не определима в начале предложения, если за ним следует односложное слово с логическим ударением или неодносложное слово с ударным первым слогом. На этом явлении основывается ямб эстонского стихосложения: так как невозможно все строки начинать словами с ударением на втором слоге, тем более что такие слова — междометия или поздние заимствования, первая стопа, как правило, заполняется любым односложным словом.

1.2. За исключением поздних заимствований, части междометий, их дериватов и слов с суффиксом -ппа, ср. *ta hü-ppas karsu-m ve-ite* ~ *ta hü-ppas karsu-mdi ve-ite* 'он прыгнул в воду', где *karsu-m* — определенное звукоподражание, а *karsu-mdi* — образованное от него наречие, и *laulja-ñna* 'певица', первый слог в неодносложных словах обычно имеет главное ударение, напр. *mi-nã* 'я', *ta-ëvas* 'небо', *si-nine* 'синий, голубой'. В ряде слов, однако, ударение, как правило, слабее главного и напоминает второстепенное, а именно — в неодносложных падежных формах кратких личных местоимений, указательных местоимений и числительных *üks* 'один', *teine* 'второй, другой', вопросительно-союзных место-

имений и наречий в функции союза и в послелогах при первом слоге в Q1 или Q2, напр. *e-gà i-sà da:ga ei rā-gi* 'ведь отец с ним не говорит' (*da:ga < ta-gà* 'с ним'), ср. *e-gà i-sà ta-gà ei rā-gi* 'ведь отец не оговаривает', где *ta-gà* — наречие.

1.2.1. За слогом с главным ударением может следовать слог 1) с второстепенным ударением, 2) с неопределимой ударностью или 3) безударный. За слогом с главным ударением может следовать слог с второстепенным, только если первый в Q3 (о дистинктивных количествах Q1—Q4 см. Вийтсо 1979:1—2) и второй слог не конечный, напр. *ta-htli:kku* 'умышленный (п. ед.)', *ta-pmi:sepki* 'даже убийства', ср. *ta-htmattu* 'неумышленный, невольный', *ta-pluse:dkki* 'даже сражения'. Ударность слога, стоящего после главноударного, не определима, если этот слог конечный и длинный (т. е. если он оканчивается на сочетание согласных, на сильный обструент *p, t, k, s, š, š* или если он содержит длинный гласный либо дифтонг), напр. *ta-htlik* 'умышленный', *ki-nplad* 'надежный, верный, устойчивый (п. ед.)'. В остальных случаях после слога с главным ударением всегда идет безударный.

1.2.2. За слогом с второстепенным ударением никогда не следует (точнее, правда, ему не предшествует) слог с второстепенным ударением, а при нормальном темпе речи один или два безударных слога. Позиция второстепенного ударения в простом слове не определима на основе количества и строения слогов, ср. еще *ta-htli:kku : ta-himattu, ta-pmi:sepki : ta-pluse:dkki*. Но поскольку в таких словах, как *ta-htli:kku, ta-pmi:sepki*, второстепенное ударение всегда связано с определенными продуктивными деривационными аффиксами, можно постулировать, что нормальное распределение ударных и безударных слогов или нормальные, морфологически не обусловленные модели ударения эстонских слов, имеющих два или больше слогов, могут быть описаны с помощью формулы

$$P^1U^1(AU)_0^6 \left\{ \begin{array}{l} U_0^1 \\ A_0^1 \end{array} \right\},$$

где P — слог с главным ударением, A — слог с автоматическим, морфологически не обусловленным второстепенным ударением, U — безударный слог; нижний индекс обозначает минимальное, верхний — максимальное или единственно допустимое число слогов соответствующего типа; скобки () заключают сложные компоненты, скобки { } — альтернативные компоненты. Формула допускает описание до 15-сложных простых слов; самые длинные известные, причем специально сконструированные простые слова не превышают 14 слогов, ср. *a-tšala:mali:-kkusta:itama:ituma:itettagi* 'даже без тех, которых более других невозможно сделать характерными для (деревни) Атсалама', а не сконструированные слова, по-видимому, не бывают длиннее 10 слогов, ср. *va-štasti:kkusta:itava:itele:gi* 'даже противопоставляемым (алл. мн.)'. Кроме того, конечный альтернативный компонент A_0^1 в формуле «предназначен» для длинных слогов, стоящих после короткого безударного слога. Ряд авторов безоговорочно считает эти длинные конечные слоги ударными. Фактически ударность/безударность их трудно установить. Ээк (Eek 1974:29; 1975:17) предлагает учитывать количество интегральной энергии, но существующие инструментальные данные весьма скудны. Возможно, что ударность не зависит прямо от параметров слога. Например, слушающий или говорящий может воспринимать конечный слог ударным/безударным на основе субъективного сравнения

его с предшествующим, явно безударным слогом. Поэтому здесь допускается двойное толкование таких слов. В двусложном слове конечный длинный слог можно сравнивать только с предшествующим слогом, имеющим главное ударение, на этом основании его можно воспринимать только безударным. Но так как в склонении имен в формах н. ед. и п. ед. наблюдается согласование сильной/слабой ступени в начальном слоге, для имен с начальным слогом в Q3 и с суффиксом, участвующим в чередовании ступеней, обычно постулируется, что если суффикс в Q3 и, следовательно, ударен в (трехсложной) форме п. ед. (напр. *ta·h̄tli:kku* 'умышленный'), то это имеет место также в двусложной форме н. ед. (напр. *ta·h̄tli:k*) и вообще во всех словах, начальный слог которых в Q3 и конечный второй слог длинный (напр. *ki·n̄bla:t̄* 'надежный, верный, устойчивый (п. ед.)'). Здесь условно допускается и такая спекулятивная возможность приписывания ударения (см. также ниже).

Для описания слов, распределение ударных и безударных слогов которых нельзя представить с помощью приведенной формулы, следует признать существование маркированных моделей ударения с морфологически обусловленным второстепенным ударением. Морфологически обусловленное ударение вызвано наличием определенных аффиксов, которые притягивают ударение, когда начальный слог аффикса в слове оказывается в обычной безударной позиции. Начиная со слога с морфологически обусловленным второстепенным ударением ударные и безударные слоги вновь распределяются по формуле нормального распределения до конца слова или до следующего слога с морфологически обусловленным ударением. По-видимому, можно образовывать слова самое большее с двумя морфологически обусловленными ударениями, ср. напр. *ka·rjalali:k̄kustami:ne* 'делание карельскообразным' (сконструированное слово). Если M — слог с морфологически обусловленным второстепенным ударением, то реальные модели ударения до 7-сложных эстонских слов имеют следующий вид:

1а Р	<i>mā·</i>	5а PMUAU	<i>a·p̄mi:sele:ci</i>
1б U	<i>ma</i>	5б PUUMU	<i>ra·belemi:ne</i>
2а PU	<i>mi·nà</i>	5в PUAUA	<i>ko·gune:ttava:t̄</i>
2б PA	<i>ki·n̄bla:t̄</i>	5г PUAUU	<i>ra·bele:sime</i>
3а PMU	<i>ta·h̄tli:k̄ku</i>	6а PMUAUU	<i>ka·r̄tma:ttuse:legi</i>
3б PUA	<i>ka·vala:t̄</i>	6б PUUMUA	<i>ko·genema:ttuma:t̄</i>
3в PUU	<i>ka·valap</i>	6в PUUMUU	<i>ra·belemi:sele</i>
4а PMUU	<i>ta·p̄mi:sele</i>	6г PUAUAU	<i>ra·bele:sime:ci</i>
4б PUUM	<i>e·lajali:k̄</i>	7а PUUMUAU	<i>ra·belemi:sele:ci</i>
4в PUAU	<i>e·rine:vap</i>	7б PUAUUMU	<i>va:štasti:k̄kustami:ne</i>
		7в PUAUAUA	<i>va:štasti:k̄kusta:ttava:t̄</i>
		7г PUAUAUU	<i>va:štasti:k̄kusta:ttava</i>

1.2.3. Выше отмечено, что ударность конечного длинного слога в позиции после (одного) безударного слога факультативна. Если конечный слог при нормальном (нейтральном) темпе речи ударен, то для него может действовать правило, ведущее от маркированных моделей к соответствующим немаркированным:

$$A \rightarrow U / \left\{ \begin{array}{l} P \\ M \\ A \end{array} \right\} U_{-}\# \text{ (ср. модели 3б, 5в, 6б, 7в).}$$

Для говорящих, которые не воспринимают конечные слоги ударными, это правило описывает лишь прошлый процесс, приведший к современному состоянию языка, см. еще 4.2. На абсолютную односторонность процесса указывают такие пути развития, как **si-sali:kko* > (***)*si-sali:k̆* > *si-salik̆* 'ящерица'. Партитивы, напр. *ka-vala:t̆* > *ka-valat̆* 'хитрый', ср. модель 3б, возникли по аналогии с формами типа **ka-stek|ta* > **ka-stetta* > *ka-štet̆* для устранения совпадения форм п. ед. и н. мн., ср. п. ед. *ka-valad* < **ka-vala|ta* и н. мн. *ka-valad* < **ka-vala|t*, причем такое совпадение наблюдается в ряде североэстонских и сопредельных южноэстонских диалектов, в этих же диалектах конечные ударные слоги (если они вообще есть) могут иметь только морфологически обусловленное второстепенное ударение и модель PUM вместо PUA.

Аналогично может иметь место правило:

$$M \rightarrow U/P_U\# \quad (\text{ср. модель 3а}),$$

если M в Q2. Об этом свидетельствует расширение ареала употребления форм типа *ta-htlikku* 'умышленный (г. ед.)', *ha-ṗnikku* 'кислород (г. ед.)', *me-ṗsnikku* 'лесник (г. ед.)', несмотря на существование в тех же парадигмах форм с второстепенным ударением на втором слоге, ср. *ta-htll:k̆ku* 'умышленный (п. ед.)', *ha-ṗni:k̆ku* 'кислород (п. ед.)', *me-ṗsni:k̆ku* 'лесник (п. ед.)', и несмотря на то, что это ведет к нарушению регулярности чередований Q3 : Q2. Так как форма г. ед. служит базой для образования всех остальных падежных форм единственного числа, кроме номинатива, партитива и адитива, то и эти падежные формы принадлежат не к моделям 4а и 5а, а к моделям 4в и 5г.

1.2.4. Кроме замещения маркированных моделей немаркированными, даже при тщательном произношении имеются довольно значительные отклонения от приведенных моделей, вызванные двумя причинами: 1) быстрым темпом речи и 2) логическим (эмфатическим) ударением.

При быстром темпе речи происходит стирание ударений, так возникают последовательности 3—4 безударных слогов. Как правило, в срединных слогах слова ударение стирается прежде всего в слогах с Q1—Q2, т. е. длинные слоги с Q3 и Q4 склонны сохранять ударение (хотя Q3 и Q4 могут быть не идентифицированы). Вообще, стирание ударений начинается с конца слова, что, по-видимому, связано с «глотанием» концов слова; на этом основании можно выделить две группы стираний ударений, или две группы замещений ударных слогов безударными:

$$1а) \quad M \rightarrow U/PU^2_ \# \quad (\text{модель 4б}),$$

$$1б) \quad \underline{A} \rightarrow U \left\{ \begin{array}{c} P \\ M \\ A \end{array} \right\} U_U\# \quad (\text{модели 4в, 5а, 6г, 7а}),$$

$$2а) \quad M \rightarrow U/P_U^3\# \quad (\text{модель 5а + замещение 1б}),$$

$$2б) \quad M \rightarrow U/ \left\{ \begin{array}{c} P \\ A \end{array} \right\} U^2_U\# \quad (\text{модели 5б, 7б}),$$

$$2в) \quad \underline{A} \rightarrow U/ \left\{ \begin{array}{c} P \\ M \\ A \end{array} \right\} U_U^2\# \quad (\text{модели 5г (< 5в), 6а, 7г (< 7в)}).$$

Логическое ударение эстонского языка не исследовалось. Поэтому можно лишь сказать, что оно выражается одним или даже двумя из следующих способов: 1) специальным порядком

слов, напр. *ta a-ñnav su-ŕle ne-ù* 'он дает тебе совет' → *su-ŕle ta a-ñnav ne-ù* 'тебе он дает совет', 2) более интенсивным произношением слога с главным ударением при обычном темпе речи (это возможно только тогда, когда расстояние между этим словом и соответствующими слогами соседних слов невелико), напр. *ta a-ñnav su-ŕle ne-ù* 'он дает тебе совет', или при замедленном темпе; 3) усилением слога с второстепенным ударением, напр. *a-řvattava:sti* → *a-řvattava-šti* ~ *a-řvattava-šti* 'наверно'; 4) присвоением ударения (второстепенного, главного или сильнее главного) обычно безударному слогу: а) в трехсложных словах с первым слогом в Q3 или Q4 второму слогу, если третий слог короткий, и третьему, если он длинный, напр. *ka-ũcele* → *ka-ũce-le* 'далекий (алл. мн.)', *ka-ũgette* → *ka-ũge-ŕte* 'далекий (г. мн.)', *ke-řgeimad* → *ke-řge-ĩmad* 'легчайшие', *ka-ũgettel* → *ka-ũgette-lŕ* 'далекий (абл. мн.)', *ke-řgeimat* — *ke-řgeima-ŕ* 'легчайший (п. ед.)', б) в пятисложных словах четвертому слогу, напр. *e-lusa:ŕtele* → *e-lusatte:le* 'живой (алл. мн.)', *va-ẽnlaste:legi* → *va-ẽnlastele-gi* 'даже враг (алл. мн.)', 5) присвоением ударения (главного или сильнее главного) какому-то существенному аффиксу, напр. *e-lusatte-lŕ elusa:ŕtelẽ* 'от живых (абл. мн.) живым (алл. мн.)', *sõ-nũ-d ja sõ-dũ-d* 'наевшиеся и съеденные'.

1.3. Словосложение в эстонском языке — не только способ образования лексических единиц, но и часто важный регулярный синтаксический процесс. Например, реализация и лексический статус атрибутивного словосочетания *aida* 'амбар (г.)' + *nurk* 'угол (н.)' могут быть обусловлены окружением, ср. *selle aida nurk* 'угол этого амбара' (досл. 'этого (г.) амбара (г.) угол') и *see aidanurk* 'этот угол амбара' (досл. 'этот (н.) амбара (г.) угол'), так как невозможна конструкция **selle aidanurk* и неестественна конструкция *see aida nurk*. (Конструкции типа *see aida nurk* допустимы лишь в юридическом аргю по аналогии с конструкциями с генитивом (живого) обладателя, напр. *see naabrigi sõber* 'этот друг соседа' (досл. 'этот соседа (г.) друг'), причем невозможны как конструкция **see naabrisõber*, так и сложное слово **naabrigisõber*). С другой стороны, именно реализация атрибутивного словосочетания нередко позволяет раскрыть смысл фразы, ср. *iga aida nurk* 'угол каждого амбара' и *iga aidanurk* 'каждый угол амбара (одного или любого)', где наличие синкретизма *iga* 'каждый (н. г. п. ед.)'. Наконец, во многих случаях *aida nurk* и *aidanurk* взаимозаменяемы, напр. *puude vahelt paistab aida nurk* ~ *aidanurk* 'между деревьями виден угол амбара'. Рассмотрение ударений в сложных словах важно потому, что сложное слово может, особенно при медленном темпе речи, сохранять модель сложения, причем каждое подслово (их обычно 2—5) сохраняет свою модель ударения. Имеются лишь немногие отклонения, где первое подслово потеряло свое (главное) ударение, напр. *mā.i.lmattu* ~ *ma.i.lmattu* разг. 'очень, чрезвычайно, глобально' (ср. *mā* 'земля, страна', *i.lmattu* 'очень, чрезвычайно' и *mā.i.lm* 'мир').

Чтобы описывать модели сложения слов и в то же время иметь возможность правильно присваивать ударения сложным словам, отметим внутреннюю границу /+/ между подсловами и скобку { для маркированных сложений.

1.3.1. При немаркированном, прогрессивном сложении (общая модель: П + ... + П, где П — простое слово) главное ударение каждого второго подслова ослабляется (приблизительно?) до уровня второстепенного, за исключением а) четвертого, последнего подслова или б) при наличии в предшествующем подслове еще второстепенного ударения;

напр. *sa-èvu:rù* 'опилки' (*sa-è* 'пила (г.)' + *pu:rù* 'соринка (н.)'), *sa-èvu:ruplã-ì* 'опилочная плита' (досл. 'пила (г.) + соринка (г.) + плита'), *pũ-ve:òse-ìk* 'санки для перевозки древесины' (*pũ-* 'деревцо; древесина (г.)' + *ve-ò* 'перевоз, транспорт (г.)' + *ke-ìk* 'санки') и *sa-èvu:ruplã-ìla-gi* 'потолок, покрытый опилочными плитами' (досл. 'пила (г.) + соринка (г.) + плита (н.) + потолок'), *va-nema:ìtego-dù* 'родительский дом' (*va-nema:ìte* 'родитель (г. мн.)' + *ko-dù* 'родной дом'). Из двух или более главных ударений первое сильнее. Кроме того, следует заметить, что под логическим ударением в двухкомпонентном сложном слове второе подслово может произноситься с главным ударением.

1.3.2. При регрессивном сложении (модель П + {П}) второе подслово обычно имеет главное ударение, равное первому или сильнее его даже при одноударном первом подслове, напр. *a-èvu-vã* 'фасоль' (*a-èv* 'сад' + {*u-vã* 'боб'), *mi-nise-lik* 'мини-юбка', *è-hù,a-ùk* 'воздушная яма' (ср., с другой стороны, *è-hu,a-ùk* 'отдушина' с прогрессивным сложением). Интересно, что генитивные атрибутивные сочетания типа *è-hù,a-ùk* (*è-hù* 'воздух (г.)') сравнительно редки среди регрессивных сложных слов, с другой стороны, однако, и остальные регрессивные сложные слова нестабильны в том смысле, что их состав в зависимости от конкретного говорящего склонен сокращаться в пользу немаркированного, прогрессивного сложения.

1.3.3. Кроме чисто прогрессивных или регрессивных сложных слов, встречаются разные комплексные слова, в которых регрессивное сложение комбинируется с прогрессивным, точнее: регрессивное сложение распространяется на компоненты, образованные путем прогрессивного сложения; при регрессивном сложении второй компонент всегда имеет главное ударение. Можно выделить три общие модели комплексных слов, причем в последней регрессивное сложение происходит дважды: 1) П + {С, где С — сложное слово, образованное прогрессивным сложением, напр. *le-ñnukki,e-mala:èv* 'авианосец' (досл. 'самолет (г.) + {мать (н.) + судно (н.)'), *ã-ttomì,a-ìvè:la-èv* 'атомная подводная лодка' (досл. 'атом (г.) + {под + вода (г.) + судно (н.)'); 2) С + {С, напр. *a-ìmã:ra-ùttè:* 'метро' (досл. 'под + земля (г.) + {железо (н.) + дорога (н.)'), *è-hudg:rjesù-rvü:kkivã-ai* 'зенитная артиллерия' (досл. 'воздух (г.) + защита, оттеснение (г.) + {большой + кусок (г.) + сила, войска (н. ед.)'); 3) П + {С + {П, напр. *su-pperta-ìkla:èva,o-mani:kkuo* 'владельцы супертанкеров' (досл. 'супер + {резервуар (н.) + судно (г.) + {владелец (н. мн.)').

1.3.4. Итак, ударение в сложном слове может в точности следовать модели сложения и даже моделям ударения отдельных подслов. Все же, особенно в прогрессивных сложных словах и в прогрессивных подсловах комплексных слов, при быстром темпе речи наблюдается тенденция к стиранию ударения ослабленных до уровня второстепенного ударения односложных подслов. Например, если слово *allmaagaudtee* 'метро' при тщательном, медленном произношении — *a-ìmã:ra-ùttè:*, то при нормальном темпе оно — *a-ìmã:ra-ùttè:*, а при более быстром темпе — *a-ìmara-ùtte* или *a-ìmara:ùtte* или даже *a-ìmarautte*, причем для ряда говорящих именно такие формы нормальны. В принципе такое уподобление сложных слов немаркированным моделям ударения простых слов составляет постоянную, но не общую тенденцию в языке;

иногда оно ведет к упрощению сложных слов, школьным примером этого является *ve-ški* 'мельница' (< **ve-si* 'вода (н.)' + *ki-vi* 'камень').

1.3.5. Ударения во многих заимствованных словах аналогичны ударениям в сложных словах, тем более что в заимствованиях, в отличие от коренных и ассимилированных слов, в непервых слогах встречаются длинные гласные или отличные от *i*, *e*, *a*, *u* и *ei*, *ai*, *ui* краткие гласные и дифтонги, ряд необычных или нетипичных для этой позиции сочетаний согласных. То, что в таких заимствованиях невозможно выделить понятные подслова, не имеет решающего значения: есть коренные сложные слова, одно из подслов которых непонятно, напр. *pä-kõspü*: 'крушина ломкая' (ср. *pü*: 'дерево'), *vi-kkerõär* 'радуга' (ср. *kä-r* 'дуга') и *mē-sko:nd* 'мужская команда', *mā-co:nd* 'уезд' (ср. *mē-s* 'мужчина; муж', *mā*: 'земля, страна'; *kõnd* в грамматиках считается словообразовательным суффиксом, но ввиду того, что в нем встречается *o* и сочетание *nd*, чередующееся с *nn*, и что в отличие от всех остальных, бесспорных словообразовательных суффиксов *kõnd* в сочетаниях типа *mē-sko:nd ja na-lsko:nd* 'мужская и женская команды' может опускаться, ср. *mē-s- ja na-lsko:nd*, утверждение грамматик явно ошибочно). Итак, можно считать, что такие заимствования, как *ke-õlõ:g* 'геолог', *e-leva:nt* 'слон', *i-sottõ-p* 'изотоп', *ti-kättü:r* 'диктатура', *a-ristokrät* 'аристократ', аналогичны прогрессивным сложным словам, а такие, как *e-lega-nõne* 'элегантный', *va-řjatsjõ-n*² 'вариация', *ke-notsi:d* 'геноцид', *a-ñnektõ-rida* 'аннектировать', *i-ñtterventsjõ-n* 'интервенция', аналогичны регрессивным сложным словам. Обусловленность присвоения одной или другой модели в общем не ясна, но, например, слова для выражения действующего лица и поля деятельности во многих случаях имеют различные модели ударения, ср.

	<i>o-kkiva:nt</i>	'оккупант'	:	<i>o-kkiva:tsjõ-n</i>	'оккупация'
	<i>te-maõ:g</i>	'демагог'	:	<i>te-maõ-gja</i>	'демагогия'
	<i>pe-daõ:g</i>	'педагог'	:	<i>pe-daõ-gikka</i>	'педагогика'
	<i>kü-nekkolõ:g</i>	'гинеколог'	:	<i>kü-nekkolõ-gja</i>	'гинекология'
ср. также	<i>ke-õlõ:g</i>	'геолог'	:	<i>keolõ-gja</i>	'геология'
	<i>pi-õlõ:g</i>	'биолог'	:	<i>pjolõ-gja</i>	'биология'

где *keolõ-gja* и *pjolõ-gja* относятся к словам, рассматриваемым в 1.4. В зависимости от говорящего многие слова, обычно имеющие модель ударения сложных слов, могут по примеру иностранных языков (немецкого, русского) не иметь ударного слога в начале слова.

1.4. Некоторые междометия, напр. *aittä-h* 'спасибо', слова с суффиксом -ппа, напр. *laulja-ñna* 'певица', *vürsti-ñna* 'княгиня', и многие заимствования, напр. *idõ*: 'идея', *parte-i* '(политическая) партия', *pjolõ-gja* 'биология', *ema-ñtsippa:tsjoni-st* 'эмансипационист(ка)', начинаются с безударного слога, причем эта безударность сохраняется и в любых сложных словах, в которых такие слова выступают подсловами, напр. *mi-krovjõlõ-gja* 'микробиология', *ve-ñnasparte-i* 'братская партия', *parte-ipo-li-ttikka* 'партийная политика', *pařte-lju-ht* 'вождь партии'.

² Здесь автор исходит из своего произношения. Нередко в заимствованиях, где пишется *ia* (*iaa*), *io* (*ioo*) *i* произносится не как *j*, а как *i*, напр. *va-ri:a:tsi,õ-n* 'вариация', *pi,õlõ-gi,a~piolõ-gi,a* 'биология'.

2. **Фонологическая роль ударений.** Результаты рассмотрения ударения односложных слов не подтверждают традиционного положения, согласно которому в эстонском языке главное ударение падает на первый слог слова, за исключением некоторых междометий, заимствованных слов и дериваций с суффиксом -ппа. Более того, несмотря на то что междометия являются маргинальной частью речи, по-видимому, именно они создали условия для распространения моделей ударения с безударным первым слогом. Кроме того, ряд заимствований с безударным первым слогом бытует в языке достаточно долго, чтобы их не считать новыми, неассимилированными, и вообще не предвидится возможностей ассимилирования таких слов, как *idē* 'идея', *kanū* 'каное', *kalo-š* 'галоша', *mula-š* 'мулат(ка)'. Следовательно, в общем главное ударение в эстонском языке не предсказуемо, что, впрочем, подтверждается наличием таких противопоставлений, как *lo-ṁvardi* 'хромой (сущ., г. ед.)' : *lomva-ṁdi* 'ломбард (г. ед.)', *sta-ṁvardi* 'стандарт (г. ед.)' : *standa-ṁdi* 'штандарт (г. ед.)'.³ И хотя в эстонском языке наблюдается тенденция к образованию двуслоговых тактов (ударных групп), даже позиция второстепенного ударения в общем не предсказуема, что может привести к противопоставлениям типа *ke-hettu:matta* 'без более худощавого (аб. ед.)' : *ke-hettuma:itta* (~ *ke-hettuma:ṁta*) 'не исхудав, неисхудавший (супин аб.)'.

2.1. Нетрудно заметить, что при интерпретации ударений нельзя не учитывать моделей словосложения: с одной стороны, надо различать сложные слова типа *e-hu.a:ṁk* 'отдушина' и *e-hū.a-ṁk* 'воздушная яма' — неразумно считать *a:ṁk* и *a-ṁk* разными словами, с другой стороны, вторичное ударение в начале непервого подслова сложного слова и в простом слове в принципе не одно и то же, напр., в словах *hū-dava:le* 'вынужденная ложь' (*hū-dā* 'беда; нужда (н. г. ед.)' + *va-lē* 'ложь') и *sa-dava:le* 'любующий (алл. ед.)' фонетическая транскрипция не отражает внутреннюю границу /+/. Если акцептировать на фонологическом уровне внутреннюю границу и скобку {, которую можно интерпретировать как начало определенного маркированного компонента в сложном слове, то нет необходимости в различении главного и второстепенного ударения на фонологическом уровне. Тогда первое ударение в простом слове — нормальное (главное), последующие ударения слабее нормального (наблюдается также тенденция — каждое непарное ударение в слове сильнее, чем парное). Нормальное ударение в подслове (1) может ослабляться, если подслово односложное и следующему за ним подслову предшествует скобка {, и (2) ослабляется, если ему предшествует внутренняя граница /+/, не маркированная скобкой {.

2.2. Как известно, все ударные слоги эстонского языка и только они характеризуются одним из четырех дистинктивных количеств Q1—Q4. Ранее показано (см. Viitso 1978 : 95; Вийтсо 1979 : 3), что целесообразно интерпретировать Q1/Q2, Q3 и Q4 как легкий, тяжелый и сверхтяжелый акценты /' ^/. Хотя для существования легкого акцента за ударным слогом должен следовать по крайней мере один безударный, нет явных оснований считать ударение чем-то отличным от акцентов. Не совсем строго выражаясь, в эстонском языке имеются три фонологические разновидности ударения — акценты /' ^/. При более строгом подходе к

³ В приведенных примерах *ṁb*, *ṁd*, *ṁr* и *mb*, *nd*, *rd* не противопоставляются по длительности, а относятся одни к ударным слогам в Q2, другие к безударным, где Q2 и Q3 не различаются.

вительно имели второстепенное ударение. Присваивание второстепенного ударения тем же словам теперь вместе с неизбежным тогда Q2 приведет, однако, к результатам, которые подробнее рассматриваются в 3.3.

Интересно, что уже Хорнунг, впервые заметивший наличие и различие Q2 и Q3, охарактеризовал их как ударения (акутовое и гравис), ср. Hornung 1693 : 19, 30, 31. Аналогичным образом Видеман считал дистинктивные количества ударениями, но отличал их от главного и вторичного (Wiedemann 1875 : 134). Позже, до 1960-х годов, дистинктивные количества объясняли как длительные, реже интонационные явления, отличая их от динамического ударения.

3.2. Первые попытки определить фонологическую роль эстонского динамического ударения принадлежат Аристэ (Ariste 1939 : 90—93; 1941; 1946 : 89—91; 1947 : 10—12; 1953 : 97—99). По его мнению, главное ударение в эстонском языке нестабильно, оно как бы в развитии — к равноместному и фонологичному, второстепенное ударение нефункционально. Примеры Аристэ на нестабильность касаются заимствований, главное ударение которых в языке-источнике на первом слоге, или слов с логическим ударением. Следовательно, они не могут служить доказательством нестабильности ударения в эстонском языке, а скорее иллюстрируют путь к стабилизации ударения в поздних заимствованиях; так Аристэ и характеризует положение в своем наиболее нормативном изложении эстонской фонетики ([Ariste] 1963, см. 116—117), где между прочим впервые в этом веке дается довольно обширное описание второстепенного ударения в простых словах, имеющих до 5 слогов (118—120), и уделяется внимание фразовому, в том числе логическому, ударению (120—121).

Хармс первым назвал и второстепенное ударение фонологичным, причем согласно его интерпретации, Q2 обусловлено т. н. передней позицией ударения в слоге и Q3 — задней позицией (Harms 1962 : 8). Итак, Хармс первым связал противопоставление Q2 : Q3 с ударным слогом, считая в то же время Q2 и Q3 свойствами слога, а не единичных звуков, дифтонгов или сочетаний согласных (впервые Q2 и Q3 связал с длинным слогом Таули (Tauli 1953—1954)). Но так как положение Хармса об обусловленности Q2 и Q3 позицией ударения в слоге нельзя было признать обоснованным (оно, вероятно, вызвано условным обозначением Q2 и Q3 в фонетической транскрипции), последующие авторы стали различать дистинктивные количества и динамическое ударение, считая ударение предсловием Q3 и вообще системы дистинктивных количеств (Viitso 1962 : 53—54; 1963a : 150—151; 1963b : 22—23; Hallap 1963 : 102—103; Raun 1968a : 195; 1968b : 296).

К идее объединения дистинктивных количеств и динамического ударения возвратился Таули (Tauli 1966 : 154—157; 1972 : 13—16; 1973a : 16—23; 1973b : 402—403). По его мнению, ударения делятся по силе на главное и второстепенное и по тяжести (выражается напряжением артикуляции) на легкое и тяжелое, причем Q3 обуславливается тяжелым ударением. Следовательно, возможны четыре типа ударения. Заслуживают внимания также правила ударения, сформулированные Таули, особенно следующие: 1) длинный слог, стоящий за тяжелым главноударным слогом, имеет второстепенное ударение (1966 : 157; 1972 : 15; 1973a : 22), 2) длинный конечный слог в двусложном слове с тяжелым начальным слогом или в многосложном слове имеет тяжелое ударение, хотя в конечном слоге нет противопоставления по тяжести (1966 : 157; 1972 : 16; 1973a : 22). Первое правило имеет более общий характер, чем правило Аренса о суффиксах *-lik*, *-nik* (и *-strik*) и правила Аристэ ([Ariste] 1963 : 119), но все еще не учитывает контрпримеров типа *mõisniklik* у Видемана. Второе правило не представляет собой кредо, но сформулировано в интересах как можно более простого описания морфологии эстонского языка. Так или иначе, к обоим правилам вернемся в 3.3.

3.3. Особого внимания заслуживает монография Хинта (Hint 1973), которая расширяет и углубляет положение его предшествующих работ (Hint 1967; 1968) и имеет целью проанализировать основные проблемы фонологии и морфофонологии системы ударения эстонского языка. Так как книга или отдельные положения ее неоднократно обстоятельно рецензировались, здесь обращается внимание только на важнейшие моменты.

3.3.1. Самые общие, притом правильные положения Хинта: 1) в общей системе языка главное ударение является дистинктивным (1973 : 30); 2) второстепенное ударение не всегда автоматически, в определенных случаях оно морфологически связано, поэтому следует различать морфологически связанное и морфологически не связанное второстепенные ударения (32, 36), 3) модель ударения сложного слова зависит от порядка сложения подслов (31). Последний пункт представляет собой существенное открытие Хинта, хотя он не рассматривает модели ударения сложного слова и вообще модели ударения в том смысле, как они представлены выше (вместо общих моделей Хинт дает словесные описания того, что можно назвать подтипами 13 моделей, ср. 115—116, 156—163; первые списки моделей ударения представлены в Eek 1975 : 19—24 и Viitso 1975 : 220—221). На основе второго пункта Хинт выявляет суффиксы, с которыми соприкасается морфологически связанное ударение (об этой заложенной Аренсом традиции см. выше 3.1), и считает ударение морфологически связанным даже тогда, когда суффикс встречается в позиции, обычно имеющей автоматическое второстепенное ударение. Однако такое обобщение вряд ли корректно. Во-первых, оно вводит наряду с немаркированной моделью точно такую же маркированную модель, напр. PUAU и PUMU, причем по аналогии шуточных деминутивов типа *Marikesekesekene* (женское имя *Magi* с тремя деминутивными суффиксами *-kene* : *-kese*) можно образовать бесчисленное много моделей с «морфологически связанным» второстепенным ударением. Во-вторых, некоторые из таких суффиксов могут попасть в окружение, где они перестают иметь ударение, ср. суффиксы *-ik* и *-elm* после первого слога с легким акцентом, т. е. в Q1 или Q2: *pi-mik* : *pi-mikku* : *pi-mikkut* 'темник (н. ед. : г. ед. : п. ед.)' и *u-nelm* : *u-nelma* : *u-nelmat* 'мечта (н. ед. : г. ед. : п. ед.)'; сюда же относится пример Видемана *mõisniklikud*, т. е. *me-isnikli-kkud*, где первый слог в Q3, а суффикс *-lik* : *-liku* : *-likku* стер ударение суффикса *-nik* (*[m'õizniklik]* < **/m'õiznik'ik/* < **/m'õizn'ik/* + *[/ik/]*) Вряд ли разумно в последних случаях утверждать, что здесь безударные суффиксы являются морфофонологически ударными (и Хинт умышленно этого не сделал, ср. 148).

3.3.2. Из более конкретных положений Хинта следует рассмотреть следующие: 1) в слогах с морфологически связанным второстепенным ударением не следует определять дистинктивные количества и их противопоставления, если соответствующий суффикс не участвует в чередовании ступеней (45, 152), в слогах с автоматическим, морфологически не связанным ударением невозможно трехчленное противопоставление дистинктивных количеств (75), а именно — Q2 и Q3 (51, 58); 2) в сложных словах, заимствованиях и в словах, имеющих суффикс, участвующий в чередовании ступеней, конечный слог с второстепенным ударением структурно равен слогу с главным ударением; в остальных случаях конечный слог с второстепенным ударением структурно равен слогу со слабым ударением, т. е. безударному (37); 3) длинный конечный слог в двусложном слове с начальным слогом в Q3 имеет, а в многосложном слове может иметь второстепенное ударение (156—163); если же в конечном слоге имеется суффикс, участвующий в чередовании ступеней, конечный слог всегда ударен (54, 149); 4) в трехсложном слове с первым слогом в Q3 всегда есть второстепенное ударение, обычно на втором слоге, при длинном третьем слоге — на третьем, причем суффикс, участвующий в чередовании ступеней, всегда ударен; иногда второй и третий слоги оба могут иметь второстепенное ударение, напр. *e-äkka:ima:iD* 'более пожилой (п. мн.)' (158); 5) в 4- и 5-сложных словоформах с суффиксом, участвующим в чередовании ступеней, при нестрогом произношении может иметь место членение формы по модели с автоматическим второстепенным ударением, причем при форме с односложным корнем, оканчивающимся на длинный гласный или дифтонг, в корне может произойти переход Q3 > Q2 и/или, за исключением формы н. ед., замещение сильностепенной формы суффикса слабостепенной (149—150; об этом еще Hint 1978 : 40).

Первые два пункта — аксиомы, унаследованные из школьной грамматики: вне слогов с главным ударением дистинктивные количества (фактически Q2 и Q3) можно и надо определять, только если они участвуют в чередовании ступеней. Такое требование упрощает школьное изучение нормативного склонения деривационных слов.

В большинстве эстонских диалектов Q2 и Q3 (а также Q4) встречаются и могут противопоставляться во всех ударных слогах, хотя применение этого противопоставления имеет значительные расхождения. Лишь в произношении уроженцев юго-восточной части Эстонии в слогах с второстепенным ударением простых слов Q3 и противопоставление Q2 : Q3 возможны только в суффиксах, участвующих в чередовании ступеней. Совпадение юго-восточного произношения и школьных «истин», однако, — случайность, так как оно сложилось на базе угаласких (южноэстонских) диалектов, где в таких суффиксах, но не только там, в большей части еще и теперь противопоставлены не Q3 и Q2 (как в северноэстонских диалектах, в том числе и нормативных), а Q3 и Q1, точнее смычная псевдогемината и слабый одиночный смычный, напр. *ä-märi:kku* : *ä-märi:gu* 'сумерки (п. ед. : г. ед.)'. Исходя из собственного, юго-восточного произношения и принятых аксиом, Хинт (51, 57—58) осудил Лехисте за то, что она на основе фонетических измерений выделила согласные в Q2 и Q3 (Lehiste 1966 : 15, 32) в слогах, где это «невозможно». После критики этого осуждения (см. Tauli 19736 : 395—396; Põldmäe 1975 : 59; Viitso 1975 : 217—218; Eek 1975 : 9—10) Хинт допустил возможность Q2 и Q3 в непервых слогах и вне суффиксов, участвующих в чередовании ступеней (Hint 1977 : 275).

Если конечные длинные ударные слоги имеют одинаковое второстепенное ударение, то уравнивание одних из них со слогами, имеющими главное ударение, а других с безударными слогами по чисто морфологическим соображениям является подменой фонологии морфофонологией. Это же отражается и в третьем и четвертом пунктах относительно суффиксов, участвующих в чередовании ступеней (критику этих положений см. Viitso 1975 : 217—219, ср. также Eek 1975 : 14, 17). При этом Хинт в отличие от предшествующих авторов правильно считает возможной безударность конечного длинного слога в многосложном слове. Новым является и мнение, что трехсложное простое слово может иметь три ударения (этого придерживается также Eek 1975 : 17, 20). Если не иметь в виду сильно замедленный темп речи (напр. при церковном стиле), то решение Хинта крайне сомнительно — ударность второго и третьего слогов здесь совсем не необходима, а для выделения двух слогов с автоматическим второстепенным ударением нужен их контраст с безударным слогом.

Пятый пункт является неизбежным следствием рассмотрения совершенно ненормативных северноэстонских парадигм склонения. Хинт объясняет их возникновение преобразованием эстонского языка из морочитающего языка в слогочитающий (Hint 1978 : 42). Гораздо естественнее предполагать в таких случаях замещение маркированной модели ударения немаркированной. Но так как это замещение может вести и даже ведет к перестройке фонемной системы, сделаем экскурс в морфофонологию чередования ступеней в непервом слоге.

4. Чередование ступеней в непервом слоге. Согласно имеющимся грамматикам, суффиксы, участвующие в чередовании ступеней, не чередуются в позиции после первого слога с Q1 или Q2; в остальных позициях в суффиксе чередуются Q2 и Q3. В применении к реальным словам это значит, что следующий фрагмент склонения слов *roolik* 'половинчатый, неполный', *metnik* 'лесник', *imelik* 'странный', *elajalik* 'зверский' должен быть совершенно грамматичным:

н. ед.	<i>põ-lik</i>	<i>me-łsni:k</i>	<i>i-meli:k</i>	<i>e-lajali:k</i>
г. ед.	<i>põ-likku</i>	<i>me-łsni:kku</i>	<i>i-meli:kku</i>	<i>e-lajali:kku</i>
п. ед.	<i>põ-likkut</i>	<i>me-łsni:kku</i>	<i>i-meli:kku</i>	<i>e-lajali:kku</i>
илл. ед.	<i>põ-likku:ss</i>	<i>me-łsni:kku:ss</i>	<i>i-meli:kku:ss</i>	<i>e-lajali:kku:ss</i>
эл. ед.	<i>põ-likkust</i>	<i>me-łsni:kku:st</i>	<i>i-meli:kku:st</i>	<i>e-lajali:kku:st</i>

4.1. В действительности же только первое слово, где нет чередования ступеней, и четвертое изменяются по правилам грамматик. В рецензии на книгу Хинта, полностью акцептировавшего положения грамматик в этом пункте, я указал, что в северноэстонском произношении а) в трех-

сложных словах, второй слог которых не имеет Q3, второй слог безударный (модель PUU), б) длинный конечный слог в дву- и трехсложных словах безударный (Viitso 1975 : 217—219). В таком случае слова *metsnik* и *imelik* склоняются следующим образом:

н. ед.	<i>me-ɫsnik</i>	<i>i-melik</i>
г. ед.	<i>me-ɫsnikku</i>	<i>i-meli:kku</i>
п. ед.	<i>me-ɫsni:kku</i>	<i>i-meli:kku</i>
илл. ед.	<i>me-ɫsnikku:ɛse</i>	<i>i-meli:kku:ɛsse</i>
эл. ед.	<i>me-ɫsnikkust</i>	<i>i-meli:kku:st</i>

Здесь в суффиксах *-nik* : *-niku* : *-nikku* и *-lik* : *-liku* : *-likku* главное уже не чередование Q2 и Q3 или, на фонологическом уровне, чередование акцентов /' / и /' / в длинном слоге, ср. /'elajal'ik/ : /'elajal'ikku/ : /'elajal'ikku/ и т. д., а чередование акцентности (т. е. наличия или отсутствия акцента): /m'etsnik/ : /m'etsnikku/ : /m'etsn'ikku/ и т. д., /'imelik/ : /'imel'ikku/ : /'imel'ikku/ и т. д. (Приписывание Хинтом Q2 форме г. ед. *metsniku* в северноэстонском произношении (Hint 1977 : 274) ошибочно, так как в безударном слоге не может быть речи о Q2 (или о Q3)). Хотя, напр., в /'imel'ikku/ : /'imel'ikku/ налицо и чередование акцентов, слабый акцент в форме слабой степени обусловлен позицией суффикса в четырехсложном слове. В сравнении с парадигмами, образованными по правилам грамматик, в последних двух парадигмах отражается состояние языка после упрощений 'S'S > 'SS (после чего *'S'S стала запрещенной последовательностью по образцу *'S'S и *^S'S), : 'S'S# > 'SS# (после чего *'S'S# является запрещенной последовательностью по образцу *'S'S# и #'S'S#) и ''SS'S# > ''SSS#, где п = /' ^ ^/; см. 2.3. Так как Ээк, одобрявший положения, касающиеся северноэстонского произношения, считает, что длинный конечный слог все-таки чаще имеет второстепенное ударение (Eek 1975 : 14, 19, 25, 28), следует учитывать и возможность существования северноэстонских произношений, где 'S'S# и ''SS'S# не упростились. (Как выше указывалось, метод установления ударения у Ээка отличен от данного, так что его результаты не могут быть автоматически использованы здесь). Но ударность конечного слога никак не влияет на утверждение, что в непервых слогах чередование акцентов перешло в чередование акцентности, и системе с безударным конечным слогом безусловно предшествовала система с ударным конечным слогом. Чередование акцентности восходит к чередованию акцентов. То что в северноэстонском произношении суффиксы, участвующие в чередовании ступеней, изменяются четырьмя способами, ср. склонение *poolik*, *metsnik* (так же склоняется, напр., *auklik* 'дырявый'), *imelik*, *elajalik*, возможно, свидетельствует о том, что в эстонском языке только началась существенная перестройка системы акцентов.

4.2. Вероятно, цель начавшейся перестройки помогут выяснить разные произношения названия столицы Эстонии Tallinn, представляющего собой бывшее сложное слово (Tallinn < Taani 'Дания (г. ед.)' + linn 'город, городище'). Tallinn — единственное простое слово в эстонском языке, где в позиции после гласного безударного слога перед гласным может стоять сонорантная гемината, а в конце слова — полудолгий сонорант. Для нас интересны следующие четыре реально возможные парадигмы склонения названия:

	А	Б	В	Г
н. ед.	<i>ta·l̥lin̥</i>	<i>ta·l̥lin</i>	<i>ta·l̥lin̥</i>	<i>ta·l̥lin</i>
г. ед.	<i>ta·l̥linna</i>	<i>ta·l̥linna</i>	<i>ta·l̥linna</i>	<i>ta·l̥lina</i>
п. ед.	<i>ta·l̥li:n̥na</i>	<i>ta·l̥li:n̥na</i>	<i>ta·l̥linnaɫ</i>	<i>ta·l̥linaɫ</i>
илл. ед.	<i>ta·l̥linna:̄sse</i>	<i>ta·l̥linna:̄sse</i>	<i>ta·l̥linna:̄sse</i>	<i>ta·l̥lina:̄sse</i>
эл. ед.	<i>ta·l̥linnast</i>	<i>ta·l̥linnast</i>	<i>ta·l̥linnast</i>	<i>ta·l̥linast</i>

Парадигма А аналогична североэстонской парадигме слова *metsnik*. Можно, в принципе, допустить ещё возможность ударного конечного слога в форме н. ед.: *ta·l̥li:n̥*. Парадигма Б является неоспоримым свидетелем того, что ударность и дистинктивное количество форм н. ед. и п. ед. не всегда совпадают, так как второй слог формы н. ед. никак нельзя считать ударным; явно *ta·l̥lin* < *ta·l̥lin̥* (< *ta·l̥li:n̥*). Парадигма В восходит к парадигме А, причем устранено чередование акцентности во втором слоге (в рамках этой же парадигмы возможно произношение *-l̥-* вместо *-l̥l-*). Парадигма Г может восходить как к парадигме Б (устранено чередование акцентности и обобщен *n*), так и к парадигме В через упрощение *ñ : nn > n* (в рамках этой же парадигмы возможны *-l̥-* или *-l-* вместо *-l̥l-*). Но парадигма В может быть получена и из парадигмы Г под влиянием более «орфографических» форм с *-ñ* и *-nn-*.

При фонологизации формы *ta·l̥lin̥* (в парадигме В второй слог нельзя считать ударным, ср. параллельную возможность *ta·l̥lin̥*) следует учесть противопоставление конечного полудолгого соноранта *ñ* краткому соноранту в этой же позиции, ср. напр. *ka·l̥lim* 'более дорогой (н. ед.)', *sa·l̥lin* 'терплю, выношу'. Так как здесь полудолготу конечного согласного нельзя объяснить акцентом /' (слог безударный) или репрезентацией фонологической геминаты (конечный согласный воспринимается как одиночный, см. Вийтсо 1979 : 5), следует признать, что противопоставляются слабые и сильная сонорантные фонемы, ср. /t̥a'l̥iñ/ : /s'a'l̥in/. Возникновение противопоставления слабых и сильных сонорантных фонем объяснимо аналогией слабых и сильных шумных (обструентных) фонем (о них: Вийтсо 1979 : 5—6). Учитывая также противопоставленность коротких и длинных гласных фонем, можно утверждать, что в эстонском языке происходит перестройка всей фонемной системы путем обобщения противопоставления слабая : сильная (или краткая : длинная) на всю систему. (Имеющиеся «пустые клетки», т. е. отсутствие сильного эквивалента фонемы /j/, в ряде идиолектов также слабых эквивалентов фонем /t̥/ и /s/, не имеют принципиального значения). При этом сильные гласные могут встречаться только в первом акцентированном слоге слова (или подслога сложного слова), сильные согласные между гласными или в конце слова после гласной или сонорантной фонемы, а сильные обструентные еще в позиции между гласной или сонорантной фонемой и согласной фонемой и в позиции между сонорантной и гласной фонемами, причем все интервокальные псевдогеминаты интерпретируются как одиночные сильные фонемы. Этим устраняется то несоответствие в прежней фонологизации, что на границе ударного и следующего за ним слогов псевдогемината должна интерпретироваться как фонологическая гемината, а для такой же интерпретации псевдогеминаты, стоящей на границе безударного и следующего за ним слогов, нет объективных оснований. В принципе эта новая интерпретация применима и для парадигм А, Б и Г, хотя упрощения *ñ > n* в Б и Г и *nn > n* в Г уменьшают ее вероятность. Кроме

того, возникает вопрос, не противоречит ли в какой-то мере обстоятельство, что многие говорящие ощущают псевдогеминаты как сочтения двух согласных (см. Вийтсо 1979:3—4), новой интерпретации.

Сокращения

аб. — абессив, ад. — адитив, алл. — аллатив, г. — генитив, ед. — единственное число, илл. — иллатив, мн. — множественное число, н. — номинатив, п. — партивитив, эл. — элатив.

ЛИТЕРАТУРА

- Вийтсо Т.-Р. 1979, Проблемы количества в эстонском языке. — СФУ XV, 1—16.
- Ahrens, E. 1853, Grammatik der Ehstnischen Sprache Revalschen Dialektes, Reval.
- Ariste, P. 1939, Eesti keele hääldamine, Tartu (Elav Teadus 92).
- 1941, Rõhutunde lõdvenemine eesti keeles. — Eesti Keel ja Kirjandus, 376—380.
- 1946, Eesti foneetika, Tartu.
- 1947, Foneetilisi probleeme eesti keele alalt, Tartu (Eesti NSV Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Filoloogilised teadused 3. Nõukogude Soome-Ugri Teadused 6).
- 1953, Foneem eesti keeles. — ETAT, 357—367.
- [Ariste, P.] 1963, Eesti keele grammatika I. Häälikuõpetus ja ortograafia. 1. vihik, Tartu. (Коллективная монография; авторы представлены в предисловии.)
- Eek, A. 1974, Observations on the duration of some word structures: I. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 18—32.
- 1975, Observations on the duration of some word structures: II — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 7—55.
- Göseken, H. 1660. Manuductio ad Linguam Oesthonicam. Anführung zur Öhstnischen Sprache, Reval.
- Hallap, V. 1963, Fonoloogiline etüüd eesti keele väldele alalt. — Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 6), 95—122.
- Harms, R. T. 1962, Estonian Grammar, Bloomington — The Hague (UAS 12).
- Hint, M. 1973, Eesti keele sõnafonoloogia I. Rõhusüsteemi fonoloogia ja morfofonoloogia nõhiprobleemid, Tallinn.
- 1977, Uhesilbiliste sõnade vältest. — KK XX, 211—229, 271—277.
- 1978, Changes in the prosodical system of contemporary Estonian. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn. 39—43.
- Hornung, J. 1693, Grammatica Esthonica brevis. Perspicua tamen methodo ad Dialectum Revaliensem, Riga s. a.
- Hupel, A. W. 1818, Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte, den revalschen und dorptschen, nebst einem vollständigen ehstnischen Wörterbuch, Mitau.
- [Kask, A.] 1964, Eesti keele grammatika I. Häälikuõpetus ja ortograafia. 2. vihik, Tartu. (Коллективная монография; авторы представлены в предисловии.)
- Lackowski, P. 1963, Words as Grammatical Primes. — Language 39, 211—215.
- Lehiste, I. 1966, Consonant Quantity and Phonological Units in Estonian, Bloomington — The Hague (UAS 65).
- Põldmäe, J. 1975, Värsiteoreetilisi marginaale sõnafonoloogia kõite juurde. — KK XVIII, 52—59.
- Raun, A. 1968a, Problems of Estonian Quantity. — Fenno-ugrica. Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17. 3. 1968, Helsinki (MSFOu 145), 190—195.
- 1968b, Recent Publications in Uralic Linguistics. — Lingua 19, 289—296.
- Tauli, V. 1953—1954, The Origin of the Quantitative System in Estonian. — JSFOu 57.
- 1966, On Quantity and Stress in Estonian. — Acta Linguistica Hafniensia IX, 145—160.
- 1972, Eesti grammatika I. Hääliku-, vormi- ja sõnaõpetus, Upsala.
- 1973a, Standard Estonian Grammar. Part I: Phonology, morphology, word-formation, Uppsala (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica et Altaica Upsaliensia 8).
- 1973b, Quantity and Accent in Estonian. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen, Helsinki (MSFOu 150), 390—403.
- Valgma, J., Remmel, N. 1968, Eesti keele grammatika. Käsiraamat, Tallinn.
- Vihman, E. 1974, Estonian Quantity Re-viewed. — Foundations of Language 11, 415—432.

- Viitsõ, T.-R. 1962, Tüvelisest astmevaheldusest (eriti eesti keeles). — ESA VIII, 44—62.
— 1963a, Sõnarõhust eesti keeles. — ETATUS, 147—157.
— 1963b, Üks lingvistiline ahelprobleem. — Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963, Tallinn (Emakeele Seltsi Toimetised 6), 276—283.
— 1975, Mati Hint, Eesti keele sõnafonoloogia I. Rõhusüsteemi fonoloogia ja morfofonoloogia põhiprobleemid. — СФУ XI, 216—222.
— 1978, Accents in Estonian. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 94—98.
Wiedemann, F. J. 1875, Grammatik der ehstnischen Sprache zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte, St.-Petersbourg.

TIIT-REIN VIITSO (Tallinn)

PROBLEMS OF STRESS IN ESTONIAN

In Estonian neither the primary nor the secondary stress is wholly predictable as some monosyllables have no stress, some polysyllables have the primary stress on a nonfirst syllable, and some have marked stress patterns because of morphologically conditioned secondary stress. Compounds normally retain their compounding pattern whereby all component words retain their original stress pattern. A set of borrowings must be treated as compounds although some or all of their component words may be not meaningful in Estonian.

All and only stressed syllables have one of the four distinctive quantities Q1 — Q4, Q2, Q3 and Q4 occurring in long syllables. As demonstrated earlier, Q1/Q2, Q3 and Q4 represent, correspondingly, the light, heavy and extra heavy accent /' ^ ^/. When regarding the accents as stress types and indicating them everywhere there is no need to distinguish primary and secondary stresses as the first accented syllable in a word is the strongest. When indicating the internal boundaries /+ / between the component words of compounds and using a bracket { for indicating the beginning of certain marked components (mostly, compound components), it can be defined that the first accented syllable of a component word (1) may become weaker when the following component word is preceded by { and (2) becomes somewhat weaker when preceded by /+ / that is not directly followed by {.

Because of the substitution of some marked stress patterns for unmarked ones the earlier North Estonian alternation between the light and heavy accents in long second syllables has given place to the alternation between heavy-accented syllables and unaccented syllables. A further analogical generalization of the unmarked stress patterning on the paradigm of the name of the capital of Estonia, Tallinn (which is a unique stem with *-ñ : -ñn-* in an unstressed syllable) reveals that at least for one group of speakers there must have taken place a restructuration of the phoneme system by generalizing the contrast «tense» : «lax» on the whole system. It is possible that the latter generalization is a spreading phenomenon.